

Такая разная правда

Петр Ингвин
Илья Илинин

16+

Петр Ингвин

Такая разная правда

«Автор»

2019

Ингвин П.

Такая разная правда / П. Ингвин — «Автор», 2019

Герой решил главную проблему современности, он понял, как сделать закон справедливым, а справедливость законной, но количество правд в жизни оказалось больше, чем представлялось. Счастливый брак, друзья, случайные знакомые, щекотливые приключения... У всего нашелся второй слой, у которого, в свою очередь, позже обнаружился третий, четвертый, пятый... (Автор обложки - Ингви Петрин)

© Ингвин П., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
1. Знакомство первое: Алекс	6
1	6
2	7
3	12
2. Знакомство второе: Людмила	17
1	18
2	21
3. Продолжение первого знакомства: Алекс	25
1	26
2	28
3	31
4. Продолжение второго знакомства: Людмила	33
1	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Петр Ингвин, Илья Иллини

Такая разная правда

Пролог

– Спасибо, – раздалось нежно и абсолютно некстати.

У меня желваки исполнили «танец с саблями», зубы проскрежетали. Когда же она умолкнет? Не видит, что ли: я занят. Праздник устраиваю. Ей, между прочим.

– Еще не за что. – Разговор требовалось поддержать. Лучше одобрять или мягко опровергать слова, чем исправлять их последствия.

В клубе только мы. Пустой танцпол. Полутьма. Гулкое эхо ее жаркого шепота:

– Чувствую себя королевой мира. Никогда ничего подобного...

– Ты и есть королева.

Не помню, кто процитировал мне «Заратустру», но фраза навсегда запала в душу, и, когда подрос, я применял этот совет, импровизируя в зависимости от ситуаций: «Старая женщина сказала: ты идешь к женщине? Возьми плетку!» Трудно представить, но как писанным красавицам, так и «серым мышкам», незаметным настолько, что почти невидимы, но в которых часто прячутся ждущие освобождения чудовища, зачастую не хватает кого-то, кто подчинит своей воле.

– Ты больше, чем королева. – Мой голос был приторно искривлен. – Богиня!

Пять минут – полет нормальный. Нельзя давать передышку. Темп и еще раз темп, а то подопытный кролик заскучать может.

– Потанцуем?

1. Знакомство первое: Алекс

1

Бог сотворил мир как нечто правильное, логичное, совершенное. Люцифер изменил мир, подарив людям сомнения. Моисей упорядочил разворошенный улей мира, сообщив ему заповеди и установив правила. Иисус взшел на крест, чтобы спасти людей от самих себя, научить любить ближнего и тем исправить испортившийся мир. В последующие века правила постоянно менялись, люди кидались из крайности в крайность, искали свободы и удовольствий. В результате мир снова испортился.

Меня зовут Алекс, и я знаю, как изменить мир к лучшему.

2

– Акимов, на выход. С вещами.

Меня подбросило.

Недолгие сборы. Стальная дверь настежь. Двое парней в застиранной униформе, погромыхивая ключами, открыли проход в рай. Возможно, не в рай, но, в любом случае, из ада. Зуб даю, как здесь говорят. Нахватался за год с лишним.

– Бывай, Алекс-ака, – донеслось вслед хрипло-старческое, но весомое. – Воле привет. Дай Бог, свидимся.

С металлическим стуком затворилась дверь, и «хата шесть ноль» осталась в прошлом. До окончательного закрывания на все замки и запоры меня поставили лицом к стене.

– Ишь ты – «ака»! – хмыкнул один из похожих друг на друга мордатых конвоиров (таких специально где-то отбирают, что ли?).

Второй, запиравший дверь на ключи и засовы, поинтересовался:

– Это типа «уважаемый» или сокращение от Акимова?

– Ни то, ни другое, – сказал я, раз уж дозволили высказаться. – Аббревиатура. А-Ка, «Автомат Калашникова».

Конвоиры синхронно, как сиамские близнецы, потеряли задницы, по мне скользнули удивленные взгляды.

– Как ты с Гошей скорешился? – упал новый вопрос. – Вечный сиделец никого не подпускает, а с тобой – как с родным.

Я пожал плечами:

– Сам ко мне расположился.

– Странно.

Удивление конвоиров было понятно, тюрьму «держал» не Хозяин, как называли начальника следственного изолятора, а Гоша Архангельский. И вся область была под ним, если говорить о криминальной власти, частично сросшейся с официальной.

Вдали слышались шаги и лязг совокупления ключей с промежуточными решетками, что по степени скрежета и прилагавшемуся мату больше походило на изнасилование. Меня ткнули лицом в стену. Кого-то провели мимо, путь вновь открылся. Потом я где-то расписывался, получал давно забытые вещи, как во сне вертел в руках подаренную женой авторучку, которую очень любил. И жену, и авторучку. Обеих.

Дождалась меня только авторучка.

И вот я возвращаюсь. Привет, мир, я иду с тобой разбираться. Прости, что задержался. Отвлекли.

Свобода. Солнце. Люди. Облака. Зелень. Запахи. Простор. Что еще нужно для счастья? Свежий воздух обжег легкие, взор скользнул по чистому небу без полос стальных жалюзи за оконной решеткой.

Я – Алекс. Не Алексей, не Александр, именно Алекс. Родители постарались. Говорили, что имя было модным, а то, что внуки будут непонятными Алексовичами, их не смущало. Они в то время за границу собирались, жить и работать. Правильнее сказать, работать, чтобы жить. За бугром отчествами не пользуются. Но судьба сделала сальто, и работать, как и жить, оказалось лучше на родине. К сожалению (или к счастью, если учесть все, что со мной случилось), мама с папой до последних событий не дожили, пусть земля им будет пухом.

Мне двадцать пять лет, внешностью Бог не обидел, а в плане мышц и спортивной формы я Ему в меру сил помогаю – готовлю себя к будущему. Жену зовут... звали Людмилой. Она заочница и одновременно менеджер по рекламе. Детей у нас нет, поженились аврально, поддавшись порыву. Но не жалели. Жили душа в душу. Не надо пошлить, я в хорошем смысле.

Будучи агентом по недвижимости, периодически я неплохо зарабатывал. Жаль, что очень периодически. Скопленное ушло на покупку собственного жилья. Как же мы радовались! Как «обновляли» новые стены, которые должны были стать родными! От комода до придверного половичка – ничто не миновало марафон ритмичного счастья. Лампочки краснели, стыдливо перегорая при взгляде на наши веселые безобразия.

Квартиру Людмила продала. Я не в претензии, пусть. У нее теперь своя жизнь, у меня будет своя, с чистого листа.

Вновь прокручиваю в голове то лето. Тот вечер. Ту невразумительную историю.

Каждую свободную от работы минуту я уделял захватившему меня увлечению. Время от времени оно присутствует в жизни каждого россиянина, чаще всего на кухне, за чашкой дымящегося чая или стаканом запотевшей водочки. Или за бокалом коллекционного винца. Но рано или поздно этим занимаются все. Разговорами как нам обустроить Россию. И – вариантом того же самого – как сделать так, чтобы все во всем мире были счастливы.

Понятно, что дискуссии большей частью состоят из огульной ругани всех и вся на чем свет стоит. Так же естественно, что девяносто девять процентов разговоров разговорами и заканчивается. Но оставшийся один процент вселял надежду. Если среди тотальной ругани кому-то удалось предложить хоть что-то – не важно, дельное или из среднего пальца высосанное – это шаг к успеху. И если таких шагов сделать много...

Как вы, наверное, догадались, избранный путь я прошел до конца, а в тот момент остановился в полушаге от прозрения, боясь сделать последнее движение – необходимое, чтобы оказаться по ту сторону черты. Черта проходила через сознание. Через мозг. Через душу. Через сердце. Новое знание меняло человека. Сложно жить в несовершенном мире, где глупые окружающие не понимали очевидных вещей и где законы тупы, а человеческая цивилизация послушной овечкой брела к пропасти, куда и грохнется не сегодня-завтра. Почему я говорю такое? А как вы думаете?

Правильно. Потому что ныне я – по ту сторону.

Точнее, по эту. А вы – все еще по ту.

С институтскими друзьями я часто обсуждал подобные темы, обычно замусоливая мысли до полного абсурда. Мы выхолащивали их, как домашних кошечек, чтобы защититься от «неправильного» потомства, и нащиповывали картечью недобросовестной софистики по самое не могу – лишь бы показаться умнее и значительнее, чем есть на самом деле. Но если другие просто тренировали извилины и голосовые связки, то я все принимал всерьез.

Мне было непонятно, почему, скажем, умнейшая Европа, водворившая нынешнюю цивилизацию штыками рассыпавшихся в прах империй, упорно идет к концу, не в силах справиться с переселенцами, у которых иное миропонимание (ни плохое, ни хорошее, имеющее такие же права, но – иное). Или почему я не могу поставить капкан в салоне собственного автомобиля – ну почему я должен заботиться о здоровье человека, который собирается отнять у меня машину, в то время как его угон еще нужно доказать в суде с необходимыми бесспорными уликами на руках? Преступнику достаточно сказать, что он залез погреться или хотел покатать подругу и что никакого материального интереса ну совершенно не имел – и все, для закона он перестает быть преступником. Почему нельзя защищать свой дом с огнестрельным оружием в руках (сразу вопли: «превышение самообороны!!!»), если у грабителей «всего лишь» ножи? Судья однозначно влепит «превышение», и ничего не поделает. Брось ружье, иначе пострадавшими, когда дело дойдет до суда, будут несостоявшиеся убийцы, грабители и насильники. И почему у себя на даче я не имею права соорудить замаскированную яму-ловушку? Кто еще, кроме вора, окажется внутри моей дачи, пока я отсутствую?

– Ты слышал – на шесть лет посадили деда-ветерана? – спрашивали меня. – Застрелил кого-то из вломившихся к нему вооруженных громил.

– Слышал, – кивал я, и мне было больно. За него, за закон, за нас с вами, допустивших такое законное беззаконие.

– Отпустили! – в другой раз кричали мне приятели, рассказывая об очередном необъяснимом (с точки зрения на справедливость) случае. – Несмотря на прямые улики отпустили «за отсутствием состава преступления»!

Я пожимал плечами.

Привычно. П р и в ы ч н о! Беззаконие – привычно, несправедливость – нормальна. Явно в правовой системе что-то гниет, и довольно быстрыми темпами.

То, что рыба гниет с головы – оправдание хвоста. Гниет весь организм, и если, как принято в таких случаях, оттяпать башку, оставшееся не спасти. Оно разложится на отдельные больные органы, которые, перевоняв, передерутся между собой в выяснении, чье невыносимое амбре круче и специфичней.

Такого плана вопросы и занимали мое воображение, отвлекая от мыслей о дополнительной зарплате и от развлечений с женой, которые становились все более редкими и пресными. Я удалялся от реальной жизни, зато все более приближался к пониманию. Друзья смотрели на меня снизу вверх, хотя я опережал их на невидимом другим странном пути на каких-то полшага. И когда я понял...

В своем кругу я стал кем-то вроде гуру. На любой вопрос «как надо поступить в такой-то ситуации» я мгновенно давал обоснованный ответ. Все проблемы имели простые логичные решения. Вокруг меня собралось общество единомышленников, в котором мне было комфортно. Меня уважали, меня слушали, мной восторгались. Все было замечательно. Совсем не так, как дома, где поникшая супруга постоянно чего-то требовала, не понимая, что мы с друзьями стоим на пороге величайшего открытия – открытия людям нового мира. Правильно в котором будет чистая естественная справедливость и когда поступать по закону станет выгодно.

В те дни меня познакомили с интересным человеком. Его пригласила одна особа. Указанную особу с ее старшим спутником привел один из приятелей.

– Знакомьтесь, – представил он входящих, – наши новые единомышленники.

Все глаза оторвались от тезисов и уставились на ту самую особу, с которой меня связывало кое-что, о чем расскажу чуть позже, и солидного мужчину – вышеупомянутого «интересного человека». Лучше без кавычек, ведь вскоре выяснилось, что он действительно интересный.

Наша разношерстная компания собралась на квартире ответственного за сегодняшнее заседание – мы старались не злоупотреблять гостеприимством и ввели очередность. Стулья и тела громоздились вокруг стола, коронованного ноутбуком, куда добровольный секретарь вносил выпестованные ночными бдениями идеи и созревшие до нужной кондиции предложения о спасении цивилизации. Со стороны мы напоминали запорожцев, сочинявших письмо султану. Все были веселы, игривы, остроумны и мудры. До сего момента. Стоило же дверям открыться...

Сначала внимание собравшихся притянуло к себе очаровательное виденье в обтягивающем топике. Со стройными гладкими ножками. С тонкой талией. С плотными бедрами. И с во-от такими ослепительными глазищами, кротко и наивно хлопавшими огромными ресницами. До которых взгляды большинства так и не добрались – утонули в опасных подробностях, нескромно открытых согласно выбранному стилю одежды.

Оно, это не совсем реальное в наших узко известных широтах видение, гордо внесло свои выпуклые барельефы в однополюй пространственно-временной континуум, замкнувшийся в точке бифуркации и растерявший возможность перевести для собственного разума даже те слова и термины, которыми, убивая оппонентов доказательствами, только что оперировал.

К счастью, прекрасная чаровница не злоупотребила победой и тактично отошла на второй план. Перед этим она подмигнула мне в память об известном лишь нам двоим. Стусевавшись, я неловко кивнул в ответ и переключился на ее спутника.

– Борис Борисович, – представился тот.

Он по очереди пожал руки всему «клубу по интересам», пока только изучавшему «что такое мир и как с ним бороться», но стоявшему на пороге переноса шлифуемой теории в практику.

Из последующего сумбурного гвалта, что именовался у нас дискуссией, выяснилось, что Борис Борисович – успешный бизнесмен, имевший связи в верхах и туманное прошлое, о котором мне быстро нашептали.

– Вижу, вы времени зря не теряли, – одобрил Борис Борисович услышанные идеи.

Приятно встретить понимающего человека.

Влившегося в коллектив нового члена стали называть по отчеству – Борисыч.

Я настолько погрузился в предмет обсуждения, что не заметил ухода прелестного создания, посреди разговора упорхнувшего тихо и незаметно. Впрочем... Кроме имевшихся в нашем кругу одиночек это событие никого не взволновало. Ушла, и ладно. Хорошо, что ушла. У нас здесь интересы важнее, чем чьи-то выставочные экстерьеры, предназначенные для бедных духом.

– Вам бы, ребятки, организовать получше да поумнее, – сказал как-то Борисыч, при этом хитро поглядывая на меня.

Почему на меня – понятно. Я был заводилой и душой всего собрания. Двигателем в машине, без которого она не поедет, какой бы красивой ни была.

– В каком смысле – организовать?

Партию, что ли, создать? А зачем? Чтобы прослыть экстремистами и загреметь в тюрьму?

Наше дело – выдвинуть идею. Таковую, чтобы шарахнула по миру не хуже коммунизма, христианства или ислама.

Ведь Бог – это Любовь.

Любовь – это мир.

Мир – это счастье.

А счастье – это когда вокруг справедливость.

И мы знали, как это устроить.

Но Борисыч посмеивался.

– Поверьте, ребятки, – говорил он, крутя в пальцах дорожную зажигалку, – без упорядочения и систематизации ничегошеньки у вас не выйдет. Только в сказках бывают волшебные слова, которыми свершаются чудеса. В реальной жизни нужно потрудиться, желательно – сразу многим, по единой методике, с непротиворечивыми лозунгами и одним командиром.

– Командиром?.. – морщились мы.

Зачем выстраивать иерархию среди друзей-единомышленников? Нам и так хорошо. Я был неформальным лидером, выделившимся сам собой и признанным всеми. А решения у нас принимались сообща.

Борисыч улыбался.

– Единоначалие – секрет успеха всех великих начинаний. вспомните великую Речь Посполиту. Где она теперь? Потому что, как вы говорите, «решения принимались сообща». Указами короля безнаказанные шляхтичи сортиры обклеивали. Поскольку не было четко прописанной и обязательной к исполнению процедуры применения наказаний.

Мы снова морщились.

– Каких наказаний? За что?

– Будет за что, – от души смеялся Борисыч, похлопывая по коленям холеными руками в перстнях, – обязательно будет.

Ему просто говорить, он уже величина. Интересно, зачем ему мы? Неужели даже среди тех, у кого есть все, тоже находятся недовольные положением вещей?

Борисыч был наглядным тому подтверждением. А вслед за ним к нам стали подтягиваться и другие коммерсанты, уже не столь высокого полета. Но сам факт говорит о многом.

Короче, наши ряды росли. И тогда произошло э т о.

3

Лето в нашем городе жарой не славилось, поэтому любой солнечный день народом отмечался как праздник. А ночь, как везде, у нас для каждого своя: кому-то отдых, кому-то работа, а кому-то, опять же, праздник. Для любителей ночной жизни в городе существовали три клуба разной степени паршивости, из развлечений там предлагались танцы, бильярд, выпивка и кальян. В расположенных внутри ресторанах можно было хорошо покушать, но, на мой взгляд, это извращение – набивать живот в местах, где танцуют, пьют, курят и дерутся. От ужина, который плавно перетекает в завтрак, пользы ни уму, ни телу, а про душу и говорить не стоит.

В общем, не любил я ночные клубы. Человеку, у которого есть жена, работа и увлечение, они, как ни старайся представить иначе, не давали ничего, только отбирали главную и невосполнимую ценность – время. Мне достаточно было знать про существование сих злчных мест, большего они не заслуживали. Тем не менее, Людмила решила меня «выгулять» и позвала в один из клубов, в единственное в нашем городе «элитное» заведение – во всяком случае, завсегдатаям нравилось так считать.

«Косой заяц». Ну и названьице, прости Господи. Понятно, ничего хорошего от похода я не ожидал и отбрыкивался сколько мог.

– Ну, пожалуйста! – молил я, сидя за ноутбуком и шлифуя формулировки для дискуссии про дорожных хамов. – Что я там забыл? Опять драгоценное время терять...

Пальцы при этом выстукивали: «Победить дорожное хамство можно только организованным сопротивлением автомобилистов. Требуется создание неофициальной и, на первом этапе, негласной структуры, которая помогала бы жертвам, наказывая зачинщиков. Лозунгом должно стать «Прав тот, кто законопослушен». Можно назвать это «Движение за движение с уважением», или «Хамов – за решетку!» (сокращенно: ХЗР, а участников, к примеру, именовать «хазарами». Пусть специалисты по имиджу покрутят эту мысль или предложат что-то свое). Каждый участник движения обязан всеми силами помогать другим участникам по принципу, который в своем цеху применяют дальнбойщики и таксисты, но в данном случае опознавание «свой-чужой» и навешивание определенной метки должно происходить не столько по принадлежности к какому-либо цеху (включая собственную организацию), сколько по степени законопослушности...»

Зря я мечтал открутиться от ненужного мне «развлечения», Людмила отступать не собиралась. Едва не задев пестрящий буквами монитор, она взобралась на мой рабочий стол. Готовая к походу, то есть раскрашенная согласно традициям ночного племени и одетая ярко и коротко, она встала над моими трудами подобно Родосскому колоссу.

Длинные ноги. Широкие бедра и узкая талия. Грудь, вид снизу. Над всем этим великолепием – обиженный взгляд. Мужчине в такой ситуации нужно или культурно отшутиться (можно и некультурно, лишь бы восхищенно), или выдать соответствующий случаю банальный комплимент. Но Людке ли меня не знать? Даже посторонние при общении со мной отмечают, что врать я не умею физиологически. Комплимент – это ложь, иначе он назывался бы констатацией. В жизни и без меня достаточно лжи.

Моя королева высказалась первой, видимо, подталкивая к аналогичному интересу и с моей стороны:

– О чем мечтаешь?

– В данный момент – о времени, когда на дорогах не будет грубости. И преступлений, которые за ней следуют.

– Как же собираешься с этим бороться? Убеждающими плакатами вдоль трасс? Социальной рекламой по телевизору? Увещеванием и чтением нотаций?

Меня атаковали по всем женским правилам, отработанным веками. Уши слышали слова, а глаза видели, как игриво приподнимается окутывавшая бедра ткань. Уже ясно: поход, который замыслила Людмила, состоится, чего бы это ей или мне ни стоило. Можно было лишь ненадолго отложить неминуемое, и я поддержал разговор:

– Перечисленное уже применялось и не сработало.

– Остается только усиление наказания. Для этого все дороги и обочины придется утыкать видеокамерами, вести тотальную слежку везде и за всеми, а после столкновения с хамством участвовать в долгих разбирательствах в судах, куда нормальный человек просто не захочет идти, чтобы не тратить время.

– Все правильно. Поэтому виновных нужно судить по всей строгости нового закона и – в этом суть и отличие – судить сразу.

– Расстреливать, что ли?

– Такой вариант тоже рассматривается. Преступные намерения возникают только при убежденности в безнаказанности. Или в слабом наказании, которого многие не боятся.

– А перебежавших дорогу? – жена посмотрела на меня сверху, как кот на жирного хомяка. – Они тоже нарушают закон. Их тоже расстреливать?

– Почему сразу расстреливать? – скривился я.

– Сажать?

– Зачем транжирить народные деньги на суды и тюрьмы? Лучше давить на месте. Закон един для всех. Жить надо честно и не мешая другим. Что может быть лучше такой свободы? Люди устали бороться или бояться, они поддержат все, что приблизит их к безопасности.

Приподнявшаяся ножка Людмилы захлопнула недовольно булькнувший ноут, прожужжавший на прощание что-то обидное и, наверняка, неприличное.

Калейдоскоп идей сломался и осыпался грустными осколками.

– Зачем? Я не закончил...

– Позволю себе напомнить, я – твоя жена. – Ободок материи в руках Людмилы взметнулся к поясу. – И у тебя имеются кое-какие обязанности.

Вид снизу был великолепен. Людмила понимала, что делала, как делала и зачем делала. Если встала так, чтобы взгляду некуда было деться...

Понимала она и то, что женские хитрости я вижу насквозь. Это выводило ее из себя. Впрочем, не настолько, чтобы идти на попятный.

– Если бы ты дала мне еще пять минут... – обреченно начал я.

– Они превратились бы в час, затем – в день, затем – в неделю.

В общем, Людмила вырвала мое согласие. Как всегда. Лаской и уговорами, моральным кнутом и аморальным пряником. Прошло немного времени, потраченного на окончательное развеивание надежд, и мне пришлось одеться сообразно моменту и обменять счастливую нирвану всепонимания на прокуренную дурноту популярного ночного клуба.

Темнело, где-то на горизонте паслись задумчивые тучки, но затянутое небо у нас в порядке вещей, дожда в ближайшее время можно не бояться. В ожидании такси Людмила поживалась в легкой блузке и короткой юбке, на меня косились ее злые глаза: «Только вякни что-нибудь по поводу одежды!» Для женщины показать, что у нее красивые ноги – одно из высших удовольствий. Пусть порадует, хотя мне на нее смотреть больно.

Подъехала вызванная машина, мы сели на заднее сиденье. За окном понеслись серые многоэтажки, из сменили кварталы столь же серого частного сектора с вкраплениями цветных коттеджей, затем вновь появились многоквартирные дома, окружившие остовы заброшенных заводов. Несколько металлообрабатывающих предприятий когда-то располагались на окраине, но город разросся и просочился сквозь и вокруг них, как песок сквозь пальцы. Часть корпусов превратились в торговые и офисные центры, остальные ждали своего часа.

Такси доставило нас к одному из таких бывших цехов, которому повезло. Сбоку уходила в темноту забитая машинами стоянка, у входа в клуб было дымно и шумно, народ гудел, перекрикивался, радостно восклицал, завидев в снующем муравейнике знакомые лица. Мы успешно прошли фейс-контроль (для нашего небольшого города это редкое исключение, но «Косой заяц», напомним, считался элитным) и оказались в эпицентре пустого времяпровождения. Я почти сразу увидел Борисыча – он играл в бильярд с набыченным блондином бандитской наружности. Борисыч прервал игру и подошел поздороваться.

– Тоже здесь? Разведка боем или ориентирование на местности вероятного противника? – Он протянул руку, исподволь глядя на мою супругу, и только потом галантно и восхищенно кивнул ей.

Она расцвела.

– Нет, – отмел я столь изошренное предположение.

– Это я его сюда затащила. Можно сказать, на аркане. – Людмила прижалась к моему плечу, очень по-женски благодарно-кокетливо разглядывая моего эффектного и доселе неизвестного ей знакомого. «Надо же, – сказал ее передавшийся через кожу трепет, – с какими людьми ты знаком. Я и не знала...»

– Это Людмила, – запоздало представил я супругу. – Моя жена.

– Очень приятно, – теперь уже прямым взором Борис Борисович обозрел находившееся напротив него произведение модного искусства, пестрившее известными лейблами на коротких тряпочках. – Борис.

Он склонился над жеманно протянутой ручкой, губы коснулись верхней стороны придерживаемых пальчиков.

Людмилу как током ударило. Она нервно дернулась и тут же расплылась в счастливой улыбке. Я не имею в виду, что импозантный деловар произвел на нее впечатление как мужчина-самец, просто Людмиле нравится нравиться. Нравится, когда ею восхищаются, когда видят и ценят ее красоту. Я, увы, изменился со времени розово-сказочного периода ухода за ней и завоевания. Тогда – Господи, как же недавно все это было! – я горы сворачивал, чтобы умница, красавица и всеобщая любимица выбрала меня из несметной когорты поклонников. Пачками совершал подвиги, не понимая, что в глазах окружающих это именно подвиги. Заваживал цветами, купленными на все заработанные деньги. Не стеснялся спеть под окном серенаду. Под окном любимой писал признания большими буквами. Мог автостопом отправиться на юг, куда она уехала отдыхать с родителями, где разыскать и поселиться неподалеку, чтобы просто быть рядом и видеть ее. И т.д. и т.п. в том же невразумительном для прагматичного века духе. И однажды...

– Неужели это правда?! – шептала Людмила, и в зрачках взрывались салюты.

Кто-то рассказал ей, что я отказался от учебы за границей, чтобы остаться с ней. Причем, не именно с ней, а просто быть рядом.

Я смущенно кивнул. Да, отказался. Разве можно поступить иначе?

В ответ она при всех, не стесняясь, крепко поцеловала меня в губы. Через месяц мы расписались.

Так мы оказались вместе. Но оказались немного разными. Хотя... кто скажет, что это плохо?

В то время я считал, что если захваченная крепость пала и столица интересующего меня царства лежит у ног, то застоявшейся от безделья скучающей армии требуется новое занятие. Другая сфера деятельности, а не то, что вы подумали, бесстыжие. Совсем не другие крепости в чужих царствах. Так я понимал жизнь и был на тот момент весьма ею доволен.

А Людмиле по-прежнему требовалось продолжение штурма. Ее крепость больше никому не сдавалась, но ждала прохожих войск в желании потешить душу новыми маневрами, подколами, стрельбой в воздух и замирением с безуспешно стареющим противником. С этим

ничего не поделывать, жажда нравиться – такое же свойство женщин, как взрываться – свойство динамита. Если динамит не сдетонировал, это не значит, что он перестал быть динамитом, главное здесь не сам взрыв, понимаете? Взрыв – следствие чудовищных обстоятельств, плохого обращения или истечения срока годности.

С женщинами то же самое.

И вот подвернулся Борисыч. Ручку поцеловал. Внешностью восхитился – вслух не сказав об этом ни слова. Но женщины чувствуют. Людмила сразу как-то подобралась, чуть ли не постройнела на глазах, более выигрышно выпятила передние полушария, настолько декольтированные, будто готовились к прыжку из удерживавших оборочек ткани, и эротично вильнула задними. Не с намеком, а просто от удовольствия. Соскучилась, наверное. Ну, хорошо же, окажесь в постели, я ей припомню виляния. Ух, как, куда и сколько припомню!

– Я здесь, так сказать, по делам бизнеса, – объяснил Борисыч свое присутствие. – Приходится. Лучшие сделки заключаются почему-то именно в таких сперто-дымных условиях. Наверное, атмосфера на мозги влияет. Я и пользуюсь.

Людмила посмеялась, а я потянул внимание на себя: нужно показать, что и мы не лыком шиты. Или не только лыком.

– За мной следят, – сообщил я полусшепотом.

Борисыч с опаской оглянулся по сторонам.

– Сейчас уже нет, – успокоил я, – а на днях – было, я уверен. Все же в армии не в стройбате служил.

Пояснять насчет армии я не стал, а насчет слежки – чистая правда. В передвижениях по городу за мной дважды следовали «наседки», передавая друг другу в порядке очереди. Я недоумевал: надо же. Уже. Впрочем, если подумать, за кем еще следить, как не за мной – будущим разрушителем мира, сотрясателем устоев? Ведь почему меня прозвали АКа, автоматом Калашникова? – потому что, как знаменитое оружие, всегда готов бескомпромиссно уничтожать все, что мешает жить честно и правильно. Преступник знает, что он преступник. И ты знаешь. И он знает, что ты знаешь. К чему же разговоры?

Но чтобы мной заинтересовались так быстро...

Сразу всплыла мысль: неужели не могут найти сотрудников поспособнее, чтобы не рисовались так явно? Кризис, видимо. Или я еще слишком мелкий, чтобы по мою душу способных задействовать.

Борисыча, надо сказать, я удивил.

– Думаешь, именно тебя пасли? Уверен, что целью был ты? – переспросил он.

Я понял, что он имел в виду. Не его ли, Борисыча, знакомых отработывали недотепистые сотрудники неизвестной структуры?

Ничего не оставалось, как пожать плечами. Такая версия тоже имела право на существование.

На том и разошлись, чтобы встретиться вновь, лишь когда мне понадобилась помощь. Именно Борисыч сплотил всех в беде и помог мне, «сосватав» лучшего адвоката города. Но вернемся к событиям того дня. Не успели мы расстаться с одним знакомым, как пересеклись с другим. Точнее, с другой. Мы встретили Таньку – Людкину закадычную подругу. Впрочем, до сих пор не знаю, можно ли так говорить про существа, у которых кадык отсутствует как явление?

– Людк, а может вы с Танькой... – с надеждой в глазах я выразительно кивнул в сторону бара, а пальцами показал на себя и как ухожу в сторону выхода.

Подружки переглянулись.

– Ну... – начала тянуть Людка.

– Конечно, Алекс, какой разговор! – выпалила Танька. – Уж мы-то повеселимся.

Я с облегчением вздохнул. Передав жаждавшую потусить женушку приятельнице для продолжения банкета без моего скромного участия, я отправился к друзьям по интересам.

За дерзкий развеселый нрав Татьяну, с недавних пор замужнюю даму, называли исключительно Танькой, ничто другое на язык не легло бы. Танька – это ураган, который заключили в бутылку. Внешне – несокрушимая скала, внутри – бурлящий вулкан, в обоих случаях – нечто прекрасное и опасное. И если продолжить ландшафтные сравнения, то она – та самая гора из поговорки, которая идет к Магомету, если тот по какой-то причине не хочет идти к ней. Танька жила по Мичуринскому завету «мы не можем ждать милостей у природы, взять их у нее – наша задача».

Я не понимал ее мужа. Собственно, Таньку тоже не понимал. Зачем выходить замуж, если тело и душа требуют свободы? В нашу первую встречу она глядела на меня как вор на чужой бумажник: «Неплохой экземпляр, и внутри, чувствуется, что-то есть...» К счастью, на стадии взглядов все закончилось, Танька не перешла границ приличий. Со мной. А с другими...

Их семью нормальной не назовешь. Я бы и семьей не назвал, просто два искателя приключений поселились вместе, никак не ограничивая другого в возможностях развлекаться. В том, что все люди разные, я убедился давно. Каждый видит жизнь по-своему, и цели могут кардинально отличаться, и счастье у каждого тоже свое. И понимание закона. Только справедливость одна на всех.

Несмотря на Танькино поведение, я не боялся за жену. Людмилу нельзя испортить, как нельзя сломать песок или выключить солнце. В общем, я уехал, и некоторое время все было замечательно. Часа этак полтора.

За это время от Люды пришло два сообщения. В первом говорилось, что в клубе им с подружкой стало неинтересно, они перебазировались к Таньке домой, и мне не следует волноваться, если она немного задержится. Я и не волновался. Я доверял. Если не доверять – как жить вместе? И главное – зачем?

Второе сообщение ввергло в ступор. «Срочно заведи меня отсюда. Жду у «Косого» в дальнем углу стоянки, в Танькиной машине. Быстрее! Прош...»

Послание обрывалось.

Через десять секунд я мчался по проспекту, подгоняя водителя попутки. Через десять минут несся через указанную в послании стоянку. Еще через миг...

Танькина машина стояла почти в конце, под развесистым деревом. Внутри, в непробиваемой тени от дальних слепящих прожекторов, происходило что-то неправильное. Происходило с моей женой.

Но почему – молча?! Солнышко, милая моя, если с тобой делают что-то плохое – почему не кричишь, не вопишь, не зовешь на помощь?!

Молчит – значит, все плохо, кто-то применил силу. То, о чем столько говорилось в «клубе» коснулось меня самого. Подбежав, я рванул на себя дверцу автомобиля. Закрывать изнутри ее не удосужились, это дало выигрыш во времени – не пришлось разбивать стекло. Из-под навалившегося мужского тела Людмила пыталась подать какие-то знаки. На левой щеке расплывалось одутловатое пятно от удара. Так вот почему ты молчала, родимая...

Тело глумившегося мужчины проваливалось в нее волосато-голой серединой. Я схватил насильника за подбородок и затылок. Голова в моих руках пыталась повернуться, чтобы посмотреть на противника... и повернулась. Посмотреть не успела. Мужчина обмяк и рухнул на подломившихся руках – я сломал ему шею.

Жуткий крик Людмилы ударил по ушам. Мозг закрылся на переучет, и время словно бы остановилось.

Со всех сторон к машине бежали люди.

Сноровистые ребята в погонах оттеснили толпу и заломили мне руки назад.

Потом – провал.

2. Знакомство второе: Людмила

*Я при причёске, я и ухожена,
Ногти покрашены – все как положено!
Я вся такая – в браслетах и бусиках,
И супермодных малиновых трусиках,
Красное платье и туфельки модные...
Только в купе все три полки... свободные...
(Ольга Королева)*

1

Меня зовут Мила. Кто как называет. Кто-то – полным именем, кто-то – Людкой, некоторые – Люсей. А мой любимый – Милой. Мне двадцать два года, я замужем, детей нет, и пока не планирую. Ситуация не располагает.

Мужа зовут Алекс. Он хороший человек, умный, сильный, образованный, когда-то сумевший завоевать мое сердце. К великому сожалению, на том он и остановился. Я же понимала любовь и семью по-другому. Грезил о нескончаемой феерии, водевиле, бурлеске, признаниях, танцах и, как минимум, чтобы кофе в постель. А лучше – шампанское. Чтобы треск рвущегося белья и хруст мебели под потными телами. Стоны до утра и вопли от счастья назло соседям в выходные и будни. А он...

Но я счастлива. Я люблю и любима.

Беда и боль в том, что муж и любимый – два разных человека.

Раз уж собралась говорить откровенно, начать, видимо, нужно с Олега. Не будь его, не было бы ни преступления, ни наказания. Но не будь его – не было бы и моей огромной необузданной любви, вся сила которой проявилась лишь в этих страшных событиях.

В ту далекую пятницу мы с девчонками зависли в «Косом зайце». Повод – прощание моей подружки Таньки с холостой жизнью. Про другого человека я сказала бы – с периодом затянувшегося одиночества. В отношении Таньки этот термин не уместен. Жизнь она вела разбитную, приятелей меняла как великосветские аристократы свои перчатки (кстати, никогда не понимала – куда они их девали? Теряли? Для вызовов на дуэли пачками разбрасывали? Непонятно). Алекс был занят «неотложными» делами, которых у него больше, чем часов в сутках. Что-то они с друзьями организовывали в это время и в последние дни ходили, словно меду наелись. Перемигивались загадочно. Главным для меня было, что Алекс опять половину ночи проваландается с ними в спортзале или в гараже, куда смывался при первой возможности. Алекс – в гараже! Никогда не думала, что два этих слова окажутся в одном предложении.

– У тебя есть жена! – с обидой говорила я, выбирая наряд перед выходом.

Вдруг он опомнится, подбежит, поцелует. Не отпустит или отправится со мной. Хотя бы проводит. Хотя бы заметит новую прическу.

– Самая лучшая в мире! – весело неслось в ответ.

Он тоже собирался. Лясы точить. Бегая от одежного шкафа к ноутбуку, ежеминутно что-то правил, стуча по клавишам и не обращая внимания на застрявшую в штанине ногу. Клоун.

– Майку переодень.

Алекс в недоумении остановился.

– Чем плоха? Все равно она под рубашкой.

– Наизнанку.

– Я не суеверный. И не до майки сейчас. Дорогая, мы мир переворачиваем!

– Знаю, осталось рычаг подыскать.

Когда-то меня привлекло в нем именно это – нечто могучее и непонятное, что отличало от остальных. Какой-то необъяснимый драйв. Внутренняя мощь. Энергия. Мужская сила. Настоящая, многоплановая, а не то, что представляется в таких случаях. Решительность. Готовность идти на подвиги и умение стоять на своем. Еще – горящие умом глаза, убеждавшие в грядущих спокойствии и безопасности – которые он зубами выгрызет, но устроит. Казалось, он добьется всего, чего захочет.

Я оказалась права почти во всем. «Почти» – потому что захотел он не меня, как супругу, и не семью, как основу, а цивилизацию спасать.

Так мы пришли к тому, что случилось. Обычное для наших мест прохладно-дождливое лето стояло в самом разгаре, народ радовался солнечным денькам, а те, кто днем работал,

старались радоваться еще и вечерам – любим, как теплым, так и холодным, которые легко превращались в теплые с помощью теплой атмосферы в теплой компании.

В общем, мне предстоял очередной вечер в компании нетрезвых подруг, но судьба вдруг повернулась невероятным образом (не церковным, а совсем наоборот) и заставила напрячься, как не желающему отчисления троечнику перед экзаменом.

Этот цепкий взгляд я заметила сразу. Выделивший меня из толпы, хищный и требовательный, он бросил кровь из головы во всхлипнувший забытыми ощущениями живот.

Олег. Чувственный грубовато-прочный блондин, который знал себе цену и одним выстрелом голубых испепеляющих лазеров умел возвеличить, поднять на небеса и одновременно выпотрошить до позвоночника. Достаточно представить банку колы в витрине холодильника супермаркета – запотевшую, тугую, мечтавшую о салюте пузырьков и прильнувших губах – и ее же пустую, смятую, валяющуюся под ногами. Разница между двумя состояниями – в одном случайном (или неслучайном?) взгляде.

Во что Олег был одет? На это я всегда смотрю в первую очередь. Встречают, как известно, по одежке, и провожают по ней же. Поэтому моему Алексу не светит в жизни ничего путного, хотя я старалась – моими усилиями он выглядел если не стильно, то, во всяком случае, не отталкивающе. За его внешностью приходилось постоянно следить. Когда задумается, Алекс даже бриться забывал.

Одежду незнакомца я просто не заметила, я увидела его сразу в целом, как Мужчину – с большой буквы. Детали меня не интересовали. О том, что его зовут Олег, я узнала позже, с тех пор это имя вытеснило все прочее, о чем думалось днем и ночью, оно перекроило реальность и влезло в сны.

Олег, тогда еще безмянный, пересек зал и подсел ко мне.

– Почему пьянство не является смертным грехом, а уныние является?

Поскольку я лишь пожала плечами, он продолжил:

– Прекрасным девушкам самОй природой запрещено скучать в одиночестве. Разрешите быть ее, этой природы, выразителем чувств, а заодно и средством избавления от грусти.

Возможно, слова были другими, и все это я себе намечтала. Важны ощущения и то, что осталось в памяти.

Бархатная речь лилась через сознание, как лава сквозь пенопласт, она обжигала и испаряла. По телу бежали предательские мурашки. Я не верила себе. Такое не могло произойти со мной, я же не Танька, чтобы бросаться на первого встречного.

Впрочем, Танька бросается не на все, что в нужный момент шевелится, она только на словах неразборчивая. Когда на меня сыпались ее исповеди с подробностями по поводу «с кем, где, когда и как», я откровенно не понимала ее, а все вопросы заменялись одним: почему?

«Тебе с Алексом хорошо?» – поинтересовалась она в ответ.

«Да», – соврала я.

К тому времени его отстраненность часто выводила меня из себя, хотелось перемен, но не таких, на которые намекала Танька.

«А без него?» – озадачила она.

Без него было также тоскливо, как с ним. Одиночество вдвоем, так это называется.

«По морде лица вижу, что в обоих случаях – не очень. А у меня, наоборот, отлично – и с мужем, и без него. К сожалению, тебе мой вариант не подходит».

«Твой вариант никому не подходит, он, собственно, и не вариант», – улыбнулась я.

Танька не спорила. Скорее всего, в их с мужем отношениях тоже были сложности, о которых посторонним знать не полагалось. Намеки на это проскальзывали, но деталей Танька не рассказывала, а от вопросов отмахивалась. Оставалось принимать ее такой, какая есть, тем более, что высказанное ею мнение иногда оказывалось очень трезвым. Такого не получишь от тех, кто мыслит как я. От подобных мне слышны только укоры и недовольство.

Танька была не такой, и это было, как минимум, любопытно. С ней было интересно. Сначала меня смущал ее потребительский взгляд на мужчин. Особенно это напрягло после свадьбы с Алексом.

«К нему ты тоже клинья подбивала?» – спросила я однажды, когда Танька в очередной раз хвасталась победами на личном фронте и безоблачным счастьем в тылу.

Я была другого склада и семью воспринимала как все нормальные люди, то есть как нечто сплачивающее, надежное и единственное на всю жизнь.

«Во-первых, твой Алекс – кремень, какого поискать, иначе ты выбрала бы другого, – последовала возмущенная отповедь. – Во-вторых, есть правило, которое категорически не рекомендуется нарушать: не гадь где живешь. К примеру, если, не дай Бог, мне встретится шалава, которую приходится муженек, я с нее без разговоров скальп сниму, причем везде. Муж это знает. Ему с моими приключениями тоже лучше бы не пересекаться. В этом залог спокойствия и стабильности».

Вот и приоткрылось окошко в чужую жизнь. Во всем виновата ревность. И обида, что другой сейчас с кем-то... отчего каждый позволял себе больше, чем, возможно, хотелось и требовалось. А со стороны – счастливая семья с особыми правилами. Складывалось ощущение, что Таньку с мужем не любовь удерживала, а удобство, привычка или безысходность.

Но не стоит лезть в чужую жизнь, у меня своих проблем хватало. Главная сидела напротив и разглядывала кольцо на моей руке. Непроизвольно я спрятала ладонь под себя.

Мужу я никогда не изменяла. Не потому, что не было возможности, просто нечто уныло-привычное родом из детства удерживало в рамках. Алекс отсутствовал часто, и в голову, хочешь не хочешь, лезли недобросовестные мысли. В компании столь же замужне-покинутых подруг я изгоняла такие мысли за рюмкой-другой прозрачного чая или тонула в очередном сериальном омуте.

На этот раз меня словно ужалило. Не я изменилась, и не ситуация. Скорее, судьба взяла давно брошенные вожжи в руки и взмахнула кнутом.

– Полюбуйтесь, какой кадр удалось поймать.

Перед моим лицом возник экран смартфона. На нем среди толпы и дыма виднелся бильярдный стол, на котором в вызывающей позе раскорячилась... я. С фаллическим кием в тянувшихся к недалекому счастью руках. Заползая на зеленое сукно практически всей правой ногой – отчего вид сзади открывался весьма специфичный.

– Хотите это фото на память? – всплыл в сознание дурманящий хрипло-нервный голос. – Давайте сброшу, а у себя сотру. Диктуйте ваш телефон.

2

Суббота протекла томительно, я не выпускала из виду телефон: а вдруг?

Олег позвонил в воскресенье.

– Можно пригласить тебя завтра поиграть в бильярд?

Оказывается, мы уже на «ты». Возражать не хотелось.

– Я плохо играю.

– Я видел, и мне понравилось. Ну так как?

– Где? – сдалась я.

Слишком быстро. Неожиданно даже для себя – поскольку собиралась помучить кавалера как можно дольше, прежде чем осчастливить... что для самой себя уже однозначно решила.

Если муж не хочет, то пусть хоть кто-то привносит жизнь в мою жизнь. Олегу повезло, именно он оказался этим «кем-то».

– Там же, – кратко удовлетворил собеседник мое любопытство. – В семь вечера.

– Завтра понедельник, у них выходной.

– Не для всех.

Экран телефона погас. Я почти рухнула на пол.

Но в понедельник была во всеоружии.

Алекс ни о чем не догадывался. Ему было некогда – так он это называл. Если быть точным, то ему не было дела именно до меня, для других время и возможности находились. Может, оно и к лучшему: мне не хотелось, чтобы меня остановили. Как говорится, есть время собирать камни, а есть – разбрасывать.

Олег встретил меня у остановки, галантно предложил руку и проводил в клуб.

Не доводилось бывать в заведении, которое открыли для тебя одной. Это нечто. Тишина, покой, невероятные пространства – гулкие и мрачные без людей. Волнующая сказка. И ощущение, что здесь водятся привидения. Так и ждешь, что они вынырнут из стены и перехватят на полпути к счастью. Подсознание рисовало их липучие взгляды, желание сгрести и утащить в темные подвалы. В глубине коридоров могли таиться оборотни и прочая жуть, или стоять гробы, где вампиры проводят дни, чтобы ночами развлекаться с ничего не подозревавшими посетителями, выбирая подходящую жертву...

К счастью, Олег был рядом.

– Страшно? – удивлялся он. – Почему?

Я жалась к нему, лицо стыдливо пряталось ему в плечо.

– Не бойся. Это все – для тебя, – успокаивал он. – Весь мир – для тебя. Только ты – и мир. И тишина. И пустота. Почувствуй, как это здорово.

Было не просто здорово, было непередаваемо. Как второй раз родиться. Вторая жизнь с бездной возможностей и воспоминаниями о неудачах первой – что может быть желаннее?

Олег вел меня через холлы, бары, бильярдные залы... К танцполу, как оказалось. От спутника веяло несокрушимостью, мощью, надежностью. Короче, я устала бояться. Пусть будет так, как он хочет. Не в этом ли женское счастье – чтобы рядом было плечо, на которое можно опереться?

– Подожди. – Я на миг остановила его и чмокнула в щеку: – Спасибо.

– Еще не за что.

Я помотала головой:

– Чувствую себя королевой мира. Никогда ничего подобного...

– Ты и есть королева. – Он вывел меня на середину. – Ты больше, чем королева. Богиня.

Обнял. Прижал. Колыхнул.

– Потанцуем? – втек в ухо бархатный шепот.

Ответа не требовалось.

Мы томно качались в полной тишине – одни, под сводами гигантского зала, который вполне можно использовать как бальный.

– Тебе нравится? – спросил он зачем-то.

Большой наивный ребенок. Разве такое может не нравиться? Я вновь ощущала себя Женщиной – которую добиваются, о которой грезят и ради которой идут на безумства. Одновременно я чувствовала себя маленькой девочкой. Фея взмахнула волшебной палочкой, и будни обратились в праздник. Бетонное здание стало хрустальным дворцом, нежный незнакомец – принцем, будущее – сверкающим и прекрасным.

Вокруг звенела немая ночь. Что же, что на улице только шесть часов вечера. Это там, в зазеркалье, в чуждом мне параллельном мире без радости и красок шесть вечера, а у меня на часах ночь. Волшебная. Мистическая. Моя.

Я смотрела куда-то, но ничего не видела. Плыла в лодке странного счастья, сомневаясь в реальности происходящего. Но Олег был реален. Вот он. Его можно потрогать. И я трогала. Неважно, что будет завтра, и будет ли. Будущего нет, жизнь – это то, что происходит сейчас. Мои пальцы гладили крепкую шею и мускулистые, будто стальные, плечи. Моя грудь плющилась, живот плакал, голова кружилась, словно тоже танцевала, только внутри. Чужие руки вели в чарующем гипнотическом ритме, сдавливали, теребили, мяли...

Затем Олег ладонями поднял мое лицо к своим глазам и колюче поцеловал в губы.

Я не могла не ответить.

Олег подхватил меня под бедра и на руках понес назад, к одному из столов для бильярда.

– Хозяева клуба – твои знакомые? – спросила я, просто чтобы что-то спросить. Чтобы поговорить. Чтобы разрушить вновь навалившуюся тишину, которая так счастливо исчезла, когда мы танцевали и, особенно, когда целовались.

Посаженная на угол стола, я сидела перед Олегом как кукла на бампере свадебного лимузина. Он стоял напротив – глаза в глаза.

– Они должны были мне услугу. Не будем об этом.

Его пальцы расстегивали пуговицы моей кофты.

Пусть все идет как идет. Пусть Олег делает то, что считает нужным. Лишь бы не требовал от меня подтверждений. Я не осилю подобной тяжести – произнести согласие вслух.

Последними сдались мои любимые джинсы, которые надевала по особым случаям. Сегодня был именно такой. Свесившимся с бортика ногам стало прохладно. Руки я невероятным усилием воли держала по бокам – желание прикрыться было безумным, но мне хотелось, чтобы Олег видел мою красоту. Красота преходяща, с каждым годом это понимаешь все отчетливее.

Как ни странно, границ приличий Олег не перешел. Я осталась в белье – в тщательно подобранных моменту трусиках и лифчике. К моему бессильному, до дрожи, отчаянию, на них он почему-то не покушался. Тянет время? Что же, это очко в его пользу. В длительном забеге спринтеры проигрывают, мне же хотелось марафона, а не стометровки. Всегда ненавидела пунктир. Удовольствие можно получить только от полноты картины, и встретить понимающую душу было приятно. Но как же трудно сохранять спокойствие, когда впереди сладостная неизвестность, а перед самым краем трамплина тебя останавливают!

Олег прошептал на ухо:

– Не представляешь, как смотрится обнаженное тело на фоне бильярдного сукна.

Я ему верила. Сама не видела – глаза были закрыты. Но я догадывалась. Меня возбуждало наслаждение Олега моей открывшейся – именно ему – обнаженностью, а совсем не красота получившейся экспозиции.

– Сейчас будет сюрприз. – Олег оторвался от меня. – Не вставай, не двигайся. Я быстро.

На некоторое время я осталась одна – в кружевном белье, сидя на столе огромного зала и болтая жаждящими внимания и ласки голыми ногами.

Сознание, менее всего напоминавшее сейчас это слово, взорвала громкая музыка. Ритмичная мелодия полилась из стен, заполнила воздух, загрохотала в поджилках. От басовых ударов тряслась спина. Я хотела вскочить, но, к счастью, ко мне возвращался Олег. Он нес две чашки с чем-то темным.

– Замерзла? – ему пришлось кричать, чтобы перекрыть музыку. – А вот и лекарство. Глотни.

Я потянула носом воздух:

– Кофе? Не похоже. Какао?

– Горячий шоколад.

Я сделала глоток. Блаженство. Жидкий густой шоколад подействовал непередаваемо, он полился по венам, проник под кожу и устроил необъяснимый оргазм вспыхнувшей в ощущениях крови. В гортани бушевала буря. Напиток остывал на ходу и горячим его можно было назвать с большой натяжкой, но я будто бы превратилась в огонь. В живой всепожирающий огонь.

– Ложись. – Олег опрокинул меня назад, на бархат зеленого сукна.

На бедра и живот пролилось что-то теплое. Я дернулась...

С улыбкой в уголках глаз Олег продолжил поливать шоколадом мою нижнюю половину. Я вновь уронила голову назад, на стол.

Я поняла, что будет дальше.

Обойдя по кругу, сладкий мучитель вынул из кармана две длинные непрозрачные тряпочки. Скорее, ленточки.

– Расслабься. – Одну за другой он отвел мои руки назад за голову, связал их, второй конец ленты закрепил на ободке лузы. – Все будет хорошо.

Растянутая на большом надежном столе, я не сомневалась. Все будет хорошо. Не может быть не хорошо. Главное: сегодня будет хорошо м н е.

Что-что? Муж? При чем здесь муж? В том-то и дело, что он давно ни при чем, и в том, что происходило сейчас, именно его вина. Или... заслуга? Пути Господни неисповедимы.

Голова кружилась. Тело ныло и томилось от предвкушения, мысли расплескивались, как вода в тазу, который несет пьяная от счастья женщина – женщина, которая узнала мир с другой стороны. Обратная сторона медали некрасива лишь для тех, кто туда не заглядывал.

«Красота спасет мир». «Красота требует жертв». «Красота не вечна». Кто задумывался об этом, тот меня поймет, а кто не поймет – и не надо. Каждому свое. Даже неугомонная Танька счастлива, а мне до ее подвигов еще сто лет в плацкарте со всеми остановками.

– Приподними голову.

На глаза легла последняя из повязок.

Мне конец, поняла я. Колюче-влажное касание заставило выгнуть, изо рта вырвался крик, больше похожий на вой. Собственно, это и был вой – единственный на тот момент достойный выразитель чувств.

Для дальнейшего в человеческом языке нет слов. Только эмоциями, только внутренними ощущениями я воспринимала окружающее – как самое лучшее, самое небывалое, самое великое в показавшейся доселе пустой жизни. Музыка грохотала. Губы Олега съедали меня вместе с застывавшим покровом, слизывали его со стягивавшейся, перешедшей в иное измерение кожи, они порхали и околдовывали. Подключились пальцы – они дарили удовольствие там, где наслаения постороннего десерта исчезли. Где десертом была только я.

Что-то скользнуло по телу. Кажется, с меня сняли лишнее. Это правильно. Лишнему нет места в настоящем, оно лишнее, даже когда тоже в шоколаде. Сейчас вся моя жизнь – в шоколаде.

Властное движение перевернуло меня лицом вниз, тело переломилось буквой «г», в живот уперся бортик стола. Ноги достигли земли, а душа – рая. То, что должно случиться, скоро случится, и оно не от слова случка, а от счастливого случая. Когда долго плохо, однажды должно стать хорошо. Жизнь ходит по синусоиде. А еще она играет в детские «классики». Скачок, разворот, перескок...

А еще она играет в прятки. Ты куда спряталась, проказница? Бытие определяет сознание. Хи-хи. Откуда это вылезло? Не вижу ни того, ни другого. Вообще ничего не вижу. Ах да, на глазах – повязка. Олег молодец. Не хочу видеть, хочу только чувствовать. Просто хочу. Просто Олега. Просто напросто. А раньше казалось непросто. Чушь. Бытие, ты тут? Сознание, ау! Куда все подевались?

А вот и оно, мое бытие. Это Олег приблизился вплотную. То, как и чем я его почувствовала, сочетанием глупых букв не передать, это было единение сердец другими местами.

Мужские руки сошлись на моей пояснице. Стиснули. Железные клещи дернули мою талию на себя...

И меня прорвало.

Такого со мной не бывало. Музыка орала громче, но я не отставала: ревела, кричала, вопила, рычала, все во мне рвалось и трескалось, и это было неслыханно. Я проваливалась в безвоздушные дыры ледяного космоса и взмывала, подобно Икару, к расплавлявшему солнцу... чтобы сразу же упасть вновь. Когда мой чудесный рыцарь (рыцарь без страха и упрека – первое с его стороны, второе – с моей) на миг оставлял меня, с досады я рвалась и орала, как недорезанная. Мне было невыносимо без него, он стал частью меня, а я – его Вселенной. Мирозданием, которое сотворил он.

Олег чувствовал мое состояние и появлялся опять – жесткий, жадный, желанный. Мне казалось, что я больше не смогу жить без его ошеломительного присутствия. Вместе мы становились одним. Мне казалось, что я схожу с ума. Чудилось, что каждый из нас раздвоился, нас стало много, и все мы – которые я и которые он – обрели крылья... Я не хотела завершения. Пугающая мысль, что скоро все кончится, что мы перестанем быть *о д н и м* и должны будем разойтись по унылым домам – эта мысль висела перед глазами огромными буквами как титры в три-дэ фильме. Наверное, именно она, эта безутешная мысль, не давала погрузиться в манившее забытьё, не отпускала меня в иллюзию смерти, которая казалась спасением. О спасении молили мои внутренности – но не я.

– Боже... Олег... Что ты со мной делаешь... – вырвалось у меня последнее разумное, что я могла вспомнить.

Затем – пустота.

Взрыв внутри.

Гибель мира снаружи.

Шок.

Раскат грома.

Выплеск сказки в мир, забывший о чудесах.

Жуткий рев Олега.

Мой последний судорожный всхлип.

И – тишина.

Потом он проводил меня домой.

Алекс, конечно же, так ни о чем и не узнал.

3. Продолжение первого знакомства: Алекс

Морали в этой истории нет никакой, потому что ее и в жизни почти не осталось. Остается только «спасибо» сказать, что к нам с вами она никакого отношения не имеет. (Михаил Успенский, «Семейный роман»)

1

Ожидание суда затянулось на двенадцать месяцев. То судья в отпуске, то адвокат болеет, то в СИЗО карантин... Причины сыпались, как из ведра, и никто не знал, что будет завтра. «Завтра» могло просто не быть. Жизнь превратилась в здесь и сейчас – кстати говоря, это произошло впервые и очень удивило. Я всегда жил будущим. Оказалось, оно не стоит ломаного гроша, если в настоящем у тебя полный швах. Кто не жил настоящим, тот в следственном изоляторе не выживал. Как же, оказывается, все просто, когда из головы улетает лишнее.

Меня поместили вместе с преступниками и теми, кто случайно попал под тяжелую руку правосудия. Я знакомился с людьми, с бытом, с порядками. Другими словами, просто сидел, как сидят в тюрьме. Вникал в местную иерархию. Вливался в «коллектив», раз уж временно оказался его частью. Имел свои обязанности, завоевал особую репутацию. Ни с кем не конфликтовал, если получалось. Когда не получалось – принимал меры. Материться здесь нельзя, каждое слово имело тот смысл, который в себе несло, за него отвечали по всей строгости, и «отмазки», что, дескать, употреблено «для связки слов» или что эмоции переполняли, не «прокатывали». Драки тоже не приветствовались. В противостояниях верх одерживал тот, кто за каждое слово готов умереть. Кто ежесекундно – днем и ночью, день за днем, месяц за месяцем – не готов, тот в проигрыше. «Кто ссыт – гибнет» – единственное пособие для выживания в местах, от которых по правилам жуткой лотереи никто не застрахован.

Мне повезло, я выжил. Никого за это время не убил и не дал убить себя. Ничем хроническим, вроде туберкулеза и иже с ним, не заразился. И приобрел бесценный опыт, который вряд ли еще где-то получишь.

Довольно часто приходилось беседовать с Гошей Архангельским.

– Чем займешься, когда откинешься? – спрашивал меня Гоша, и его взгляд пронизывал мозг лучше всякого рентгена.

Гоша – звучит по-детски и немного смешно, а выглядит страшно. Благообразный на вид старичок в хорошей форме, Гоша говорил прокурено-хрипло и медленно, фильтруя база... тьфу, извиняюсь. Нахватался. Имею в виду, что слова Гоша подбирал тщательно и не говорил лишнего. Если уж что-то сказал, то неспроста.

А однажды я видел его в деле. Реакция – мгновенная, сила – необъяснимая. Невозможно понять, как далекий от спорта старикан может проявить такие способности. Только что сидел человек за столом, писал карандашиком, в следующую секунду «шестерки» подхватили под руки истекающего кровью покусителя на привилегии криминального монарха. Из восьмиконечной звезды, вытатуированной в знак презрения к правилам, торчал тот самый карандашик, словно вбитый кувалдой.

Для Гоши это были привычные будни. Мелочи жизни, которые сегодня есть, завтра нет. В общем, не зря Гоша Архангельский занимал свое место в воровском мире. Но главное, что у него было – взгляд. Как у гигантского удава, чьи кольца оборачиваются вокруг твоей шеи. Глядя прямо в душу, Гоша будто гипнотизировал и выдаивал сведения, о которых люди сами не подозревали.

– Выйду – подамся в бизнес, – без всякой задней мысли делился я планами.

Куда же еще, кроме бизнеса? Увлечение переустройством мира оставалось для меня на первом месте, а жить на что-то надо. Скрывать такие «планы» смысла не было, ничего другого я не умел, кроме посредничества в сфере недвижимости. Вернусь в агентство, если возьмут. Или попрошусь к Борису Борисовичу. Авось, не выгонит и худо-бедно пристроит. У меня запросы маленькие, лишь бы на хлеб хватало.

Мы сидели на шконках из стальных труб, смрад камеры, где смешались сигаретный дым и все существующие человеческие выделения, стал привычен и не докучал, а на меня продол-

жали сыпаться скользкие и опасные вопросы Гоши. Опасные, поскольку неправильный для тюрьмы ответ грозил изменениями в жизни, после которых жизнью ее не назвать. Приходилось думать над каждым словом, смотреть на выдаваемый смысл со всех сторон и только потом открывать рот.

– Коммерсом заделаться решил, ака? Барьжничать станешь?

– Нет. – Мне не нравились уголовные формулировки. – На жизнь зарабатывать.

– Как лох?

– Как честный человек, который не хочет сидеть на чьей-то шее или отбирать чужой кусок.

– С твоим умом и умениями...

– Вот именно.

Серьезные стальные глаза замирали на мне, как на мишени, в которую целятся.

– Здесь такие планы не в чести, – говорил Гоша. – Тем более, нельзя делиться ими с посторонними. Не для правильного пацана такие мысли.

– Мне по барабану, что «правильно», а что нет. Мне нужно, чтобы по справедливости.

Гоша задумчиво кивал, обозначая этим не «согласен», а «я тебя выслушал».

– А с женой как? – бросал он новую фразу.

– Ее больше нет.

– А другая баба?

– О запасном аэродроме не думал. Строил один и считал, что он на всю жизнь.

– Это хорошо, – с некоторым снисхождением признавал Гоша и затягивался ядерной сигареткой из пришедшего с воли «грева». – Хорошо, когда один раз – и на всю жизнь. Но особо свою такую позицию здесь не афишируй, не все поймут правильно.

Упор был на слово «здесь».

Я принимал к сведению советы бывалого сидельца. Не знаю, почему он выделил меня из массы сорока с лишним разнокалиберных особей. Кто-то шепнул осторожно, что просто так у Гоши ничего не бывает. Если он со мной возится – значит, что-то во мне видит. Какие-то перспективы.

Архангельский – это было «погоняло», а не фамилия, как я решил вначале. Он всю жизнь сидел. Возникавшие проблемы решал отсюда – как по тюрьме, так и по тому, что творилось снаружи.

– Не бойся, – говорил он мне, в очередной раз наслушавшись моих роившихся и постоянно выскакивавших мыслей о новом мировом порядке, – у тебя все будет хорошо. Скоро выйдешь.

Я верил. Несмотря ни на что. Ни на имевшийся на руках труп, ни на суровость отечественной фортуны.

И день настал.

2

Присутствующие со скукой на лицах слушали объяснения свидетелей и прения прокурора с адвокатом. Ажиотажа скорбно-бюрократическая канитель ни у кого не вызывала, ничего интересного не предполагалось, так как я сразу признал себя виновным. Оставалось узнать, какой срок дадут.

– Вызывается следующий свидетель, – прозвучало под перенасыщенными гадливым эхом сводами судебного зала. – Голикова Татьяна.

Вперед проследовала злополучная подруга, к которой после моего отъезда из дымно-злачного места собиралась переместиться Людмила.

Статная, сочная, со жгучим взором искательницы приключений, в выкрутасах судьбы Танька видела не удары, а возможности.

– Знаю Алекса давно, – начала она бойко, – ничего плохого сказать не могу. Он замечательный муж, прекрасный человек, чудесный друг. Они с женой очень любят друг друга.

Далее прозвучало много не менее лестных слов обо мне и обстоятельствах, которые привели к трагедии. Зал внимательно слушал. Народу собралось много, но знакомых лиц – единицы. Сегодня только начало долгого спектакля под названием «суд». На финал, думаю, соберутся все, кто сможет прийти.

В отличие от больших городов, следивших за собственным имиджем, меня поместили не в стеклянную коробку, а за обычную стальную решетку – до нас столичные новшества еще не добрались. Клетка со скамьей подсудимого и конвойными стояла в глухом углу зала, центр помещения занимали деревянные скамьи со зрителями, напротив высился на небольшом помосте стол судьи. Судьей у меня была дородная усталая женщина, прятая от реальности под глупой мантией. Представители обвинения и защиты расположились между судьей и присутствующими. Я сидел сбоку от всех, отчего происходящее воспринималось как своего рода кино для единственного зрителя, и не надутые важностью люди в мантиях вершили мою судьбу, а я глядел на творившийся снаружи балаган, где каждый, кто за решеткой (от меня) – актер.

Когда Танькин хвалебный поток поредел и, наконец, иссяк окончательно, прокашлявшийся прокурор изрек в ее сторону:

– Автомобиль, в котором было совершено преступление...

– О каком преступлении вы спрашиваете? – перебила Танька. – Об изнасиловании?

– Мы говорим об убийстве...

– Не было убийства! Была защита чести и достоинства женщины! Это – подвиг! Или я чего-то не понимаю?

В зале одобрительно загудели, кто-то несколько раз громко хлопнул в ладоши, его поддерживали. Судья попросила тишины.

– Он жизнь и честь жены спасал! – вставила Танька в образовавшуюся паузу, пока прокурор открывал рот для продолжения допроса.

Новая овация всколыхнула зал.

Я благодарно взирал со своего позорного места и ничуть не комплексовал. Ну и что же, что называлось оно «скамьей подсудимых». Не судите – да не судимы будете. Придет время – все изменится, суды будут другими, а преступность исчезнет. Обещаю.

Прокурор, наконец, нашел формулировку, которая устроила и свидетельницу, и зал:

– Совершивший изнасилование человек убит в вашем автомобиле?

Прокурор был приятным молодежью (или, возможно, молодеющим) мужчиной, и Татьяна, не стесняясь публики, откровенно раздвела его взглядом. Суд она воспринимала как театр и вела себя соответственно. Да, дескать, вышла она недавно замуж, и что? У мужа своя

неизвестная ей жизнь, у нее – чудесная своя. Так они изначально договорились, обоих устраивало. Танька еще раз визуально примерила на себя крепкую фигуру прокурора.

– Да, – кивнула она, глядя представителю обвинения в глаза и поигрывая бровями.

Будто с чем-то связывающим их согласилась, а не на вопрос о собственности машины ответила.

– Где вы находились в момент совершения преступления?

– Познакомилась с одним перспективным джентльменом и пошла обменяться с ним телефонами.

Прокурор прокашлялся.

– Повторяю вопрос: где именно вы находились в момент совершения преступления?

– Повторяю, – сдержала Танька. – Пошла обменяться телефонами.

– Куда пошли? – морщась, как в кресле у неопытного стоматолога, уточнил прокурор.

– В зал.

– Почему?

– Он пригласил.

– Одну?

– Да.

– Где на тот момент находилась потерпевшая?

– Осталась в машине.

Дело, наконец, сдвинулось с мертвой точки.

– Сколько времени вы отсутствовали?

– Минут пятнадцать-двадцать.

– Почему так долго?

– Меня долго пришлось уговаривать дать, – Татьяна красиво откинула волосы, – номер своего телефона.

Казалось, еще вот-вот, и она покажет прокурору язык. Впрочем, то, как свидетельница показывала ему всю себя, сообщало, что решение обменяться телефонами с многоуважаемым обвинителем давно принято.

– То есть, потерпевшая Акимова Людмила Николаевна с двадцати одного часа пятидесяти пяти минут, – продолжил прокурор, начавший подозревать о скорых изменениях в своей интимной жизни, – до двадцати двух часов пяти минут, когда подверглась нападению Сорочкина Святослава Игоревича, находилась в вашей машине одна?

– Я на часы не глядела. Когда вернулась к машине, меня к ней не подпустили, к тому времени там орудовали криминалисты и медики. Меня сразу проводили на допрос.

– Видели ли вы гражданина Акимова на месте преступления?

– К сожалению, нет, его к тому времени увезли. – Танька приветственно помахала мне за решетку. – Но будь таких Алексов побольше, нам не пришлось бы...

– Прошу не отвлекаться, – пресек лирическое отступление строгий голос судьи.

Татьяна никаким боком не относилась к моей нарождавшейся организации: не являлась ни действующим членом, ни внештатником из сочувствующих. Даже о тонкостях новой идеологии не знала. Но здравый смысл заставлял ее лить воду на мою мельницу:

– Если бы на месте Алекса оказался мой муж, от насильника не осталось бы живого места. Он разорвал бы преступника на кусочки и вывесил на деревьях, а фотографии по подъездам расклеил, чтоб неповадно было.

– У вас все по обстоятельствам дела? – опять перебила судья.

С видом королевы среди придворных, Танька вздернула подбородок, еще откровеннее выпятила грудь и снисходительно оглянулась на собравшихся:

– По обстоятельствам – все, а по делу... Ну, не виноват он. Вешали бы насильников, их бы и не было. Представьте, что вас... или вашу дочь. А того, кто заступился – судить?! За что? Сажать?!.. За то, что собственную жену спас?! Да вас самих тогда надо...

Таньку вывели из зала суда, хотя она и в коридоре продолжала возмущаться – мне было прекрасно слышно из-за решетки.

В клетке. Словно зверь. Как же они правы. Я – зверь, самый страшный (потому что непредсказуемый) зверь на свете: я не желаю быть съеденным хищниками. Хищники, если подумать, только называются хищниками, в нашем представлении – злыми, агрессивными и сильными. На самом деле в природе они охотятся на слабых, маленьких, глупых, дряхлых и больных. Очищают мир. Грубо говоря, делают его лучше (имею в виду – для природы). Во всяком случае, здоровее. Не для того ли мы миримся с существованием волков в лесу и ястребов в поле?

Итак, ученые установили: хищники – санитары леса. Не важно – того леса, что за городом, или асфальто-стеклянно-бетонного. Хищники – они хищники в любом обличье, хоть в овечьей шкуре, хоть в деловом костюме или со значком депутата. Их дело – грызть слабого и тащить добычу в зобики подрастающего потомства. Но как с этим принципом социального дарвинизма жить обыкновенным людям, которые мнят себя хорошими и желают жить правильно?

Если честно, мне плевать на законы эволюции и естественный отбор – я буду зубами защищать ближнего (а равно и дальнего) от более сильных, но менее человекоподобных собратьев. Пришло время сильных не телом, но духом. Такой вот выверт эволюционной спирали, что уперлась острым штопором в зад не ждавшего подобной пакости гомо сапиенса. Мне его, сапиенса, не жалко. Если кто-то высоко взлетевший думает о себе, что он хищник, то пусть научится ловить настоящую дичь, а не отбирать хлеб у маленького или обездоленного.

Жаль, что оружие есть только у власти и преступности, отчего в сознании многих они кажутся симбиозом. Простым людям тоже не помешали бы «Калаш» дома и «Мак» в темной подворотне.

Да, жаль. Когда выйду и войду в силу, я поправлю это недоразумение.

Кажется, я немного не о том и не ко времени, хотя и в тему. Вернемся к происходящему. К суду. Надо мной.

Можно ли было представить, скажем, год назад, с пеной у рта доказывая соратникам свои постулаты, что сам окажусь в роли преступника. Радовало, что судья – женщина. Должна понять. Говорят, женщины снисходительнее к общественным недоразумениям вроде меня. Мы только по букве закона кошмарные убийцы, а по справедливости – защитники слабых. Тех же женщин. Детей. Стариков.

Это насчет будущего приговора. Как ни странно, о нем я думал в последнюю очередь, поскольку мне нужен был этот суд. Мне, для моих целей.

Мне было, что сказать. Как в свое время Христу. Пусть пока с тем же результатом. Время расставит все по своим местам. Понтий Пилат тоже был государственным чиновником, радеющим о собственном благополучии вкупе с общими интересами... по возможности. А Христос – это Христос. С точки зрения Пилатоподобных – сын плотника. Но теперь, по прошествии веков, никто не скажет, что «прокуратор Иудеи» звучит круче.

3

Для дачи показаний вызвали Людмилу. Бледная, похудевшая, она долго не могла прийти в себя.

– Алекс к тому времени ушел, – начала она после перечисления анкетных данных. – Мы с Татьяной тоже собрались уехать, но ее перехватили. Она ненадолго отлучилась, я ждала в машине. И тут...

Людмила не сдержалась. Плечи задрожали, лицо зарылось в ладони.

Я умоляюще глянул на адвоката. Тот понял. Заседание прервали.

На следующее заседание Людмила не явилась. Я облегченно перевел дух. Хорошо, что она не пришла. После пережитого ужаса вновь и вновь обсасывать подробности...

Жуть.

Прокурор встал.

– Обстоятельства дела суду известны, и ввиду неявки гражданки Акимовой предлагаю заседание не переносить, а слово предоставить... – Его голос завис на долю секунды.

Я замер.

Да! Слово, наконец, предоставили мне.

Настал звездный час. Я поднялся, встретившись с поддерживающими глазами друзей. В первых рядах, занимая почти треть помещения, сидела вся компания единомышленников, включая ранее отсутствовавшего Борисыча. Они пришли ради меня. И для нашего общего дела.

– Да, я сделал это. – Я обращался сразу ко всему залу, сегодня забитому до отказа. – Могу объяснить почему.

Знал ли кто-то из пришедших, что присутствует не на судилище, где вынесут приговор очередному нарушителю спокойствия? Сегодня они – эти обращенные в мою сторону разные лица, внимающие и ждущие моих слов – на Голгофе. Впервые за долгое время свежий ветер будущего проникнет в затянутые паутиной мозги. Сегодня новый мир вторгнется в замшелое мышление обывателей, до сего момента не знавших ничего лучшего, как догонять «цивилизованный мир», дыша ему в задницу, глотать испарения и при этом радоваться: как хорошо устроились! Дескать, ура, скоро все там будем – в справедливой законопослушной сказке. Нет, господа-товарищи, не будем, сказка – ложь, да в ней намек. У забугорных сказочников проблем тоже выше крыши, поскольку из-за возведенного в абсолют понятия «права человека» размылись права общества. «Преступник – тоже человек» – это их логика. В новом мире будет другая. И я сказал:

– Уважаемые господа и дамы. Друзья. Госпожа судья. Я убил этого преступника. Отмечу – не случайно убил. Не в состоянии аффекта. Не по недоразумению. Не защищаясь и даже не потому, что защищал. Нет. Я хотел его убить – и убил.

По залу прокатился ропот. Адвокат посмотрел на меня как на умалишенного: что я творю? Нарушаю все договоренности, уничтожаю смягчающие обстоятельства и рву возможности «сыграть в дурочку». Он покосился на сидевшего сзади Борис Борисыча. Тот неопределенно пожал плечами.

Разве дано понять натасканному на «выжить любой ценой» (с упором на слово «любой») адвокату, что слышал он не показания жаждущего свободы, а потому готового и смолчать где надо, и лжесвидетельствовать, и подставить другого, короче, выкручиваться всеми способами – а голос из будущего. Это сверкнула молния нового порядка. А после молнии раздастся гром. И будет потоп. Потому что время пришло. По-другому быть не может. Я – всего лишь пророк того, что грядет.

И я сказал:

– Я убил преступника. Намеренно. Поскольку считаю – только так можно побороть преступность. Именно так надо поступать с ними, ведь преступник сам лишает себя всех прав собственным решением преступить установленные обществом законы. Он намеренно ставит себя вне их – и о чем тогда говорить?

Народ зашевелился сильнее. Выданное мной простое умозаключение, если вдуматься, одно, само по себе – без всей наносной шелухи, которая лишь отвлекает от главного – гораздо больше многих религий. Выше всех философий. Действительнее нынешних законов. Правда. В стремлении к власти политические партии тратят миллионы долларов на услуги коммерческих философов в требовании подарить им работающую Идею. Таковую, за которую проголосует народ. За которой пойдет, причем весь. Включите телевизор – кто главный народный герой? Пощелкайте каналами. Полицейский? Судья? Другие (в глазах простых людей) олицетворения продажности соответствующих структур? Нет, господа. Герой нового времени – мститель.

Око за око.

Как же совместить несовместимое? Суд Линча и закон. Справедливость и милосердие. Мораль и здравый смысл. Общее благополучие и благополучие каждого из нас.

Я – знаю.

И я говорил:

– Сделав для себя осознанный выбор, преступник встает на другую сторону баррикад, с этого момента он враг. А на войне как на войне.

Судья, с молоточком в руке, переглянулась с прокурором. Я продолжал:

– По Библии человек, в отличие от всего остального, сотворенного Словом, был сделан из глины. Из праха земного. Но все же – по образу и подобию. Не внешне. Это подобие – умение мыслить и принимать решения. Какую сторону принять, каждый выбирает сам. И за свой выбор должен отвечать. Жизнью.

Деревянный молоточек с грохотом обрушился на судейский стол.

Меня прервали, и все же главное я сказал.

Вот только... понял ли кто-то?

Ничего, придет время – я повторю.

Благодаря стараниям и немыслимой изворотливости адвоката меня не засудили по полной программе. Но мне стало как-то все равно, пусть это звучит дико и неправдоподобно. Жить, как я уже понял, можно и в тюрьме. Многие живут, и ничего. Терпимо. Если местные правила принять.

У меня в голове зрели свои правила. Правила устройства нового мира. На суде я выдвинул только основополагающий тезис. Как применить его на практике – не сказал, а дьявол кроется в подробностях, не так ли?

Мне дали пять лет. И на том спасибо. Христу было хуже.

4. Продолжение второго знакомства: Людмила

В любовном треугольнике один из углов обычно тупой. (Народная мудрость)

1

С того дня мы встречались регулярно. Каким же он оказался дремуче-грубым в постели, и как это, оказывается, здорово. Ранее ни в каком диком сне не приснилось бы, что я стану жадной до спонтанных спаррингов в местах, казалось, совершенно для того не предназначенных. Как оказалось, это только казалось. А «спарринг» – словечко Олега, при определенных действиях он использовал его, причем выводил от другого, гораздо более подходящего по смыслу глагола.

– Сюда. – Крепкая рука хватала меня, втаскивая, например, в мужской туалет при полусонном утреннем супермаркете.

– А если зайдут?!..

– Им же хуже.

Или взнудывал в примерочной, сгибая пополам либо, наоборот, властно возвышаясь.

– Охрана видит! – молила я, озираясь в поисках камер.

По закону наблюдение в кабинках запрещено, но кто же соблюдает закон? Все знали, что камеры есть.

Олег крушил сомнения на лету:

– Пусть завидуют. Не отвлекайся.

Он поражал неуправляемостью и необузданностью желаний. В отличие от изредка вспоминавшегося обо мне Алекса, который начинал будничные поползновения с длинных и до оскомины знакомых прелюдий, Олег думал только о себе. Всегда. Исключительно о своей жажде моей бедной плоти, раз за разом раздираемой на части, без оставления живого места... но как же это возбуждало! Видимо, во мне спала мазохистка, и ее разбудили. Иначе не объяснить. Или унылый штиль Алекса настолько приелся, что буря показалась освежающим бризом.

При встречах со мной нескрываемое распутно-животное начало Олега захватывало над ним власть, оно просто жгло, заставляя вождель, безоглядно отдаваться и безмолвно выполнять любые прихоти.

Олег показывал сделанные им фотографии. У меня глаза лезли на лоб от одних только ракурсов, в которых он ловил не подозревавшую о съемке натуру.

Иногда во время процесса он подлавливал и меня. Как же это заводило!

Любовь развивалась стремительно, как бывает только в плохом кино и в жизни. Нашим временем стали вечера. И дни, когда у Олега не было дежурств. Я почти забросила как учебу, так и работу, живя в постоянном отгуле. В некоем помешательстве, которое шло изнутри.

Я была влюблена. Этим все сказано.

– Любимый... – шептала я, сжимая светлую во всех смыслах голову любимого человечка, прильнувшую к моей отворившейся для него душе.

– Любимая... – эхом неслось в ответ.

И кожа таяла. Мысли растворялись. Крылья вновь расправлялись за спиной и уносили в неизведанное.

Я летала. Постоянно. С ним в мыслях, во сне и наяву.

А он... Что же он делал со мной, мой ненаглядный мучитель, невзирая на слабые протесты, возникавшие по вине вдолбленной чересчур правильным мужем морали. Алексу до таких глубин и высот – как из Владика в Бобруйск на карачках. Мои родители радовались его нормальности и не понимали, что выдаваемая за идеал поведения спущенная сверху норма убивает не хуже пистолета. Норма – это серость, серость – отсутствие красок, а без красок жизнь перестает быть жизнью и превращается в существование. Как здорово, что у нас нет детей. Я чувствовала себя свободной и могла отдаваться любви до последней капли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.